

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 130.122; 141.33

К ВОПРОСУ О НЕСОСТОЯВШЕМСЯ ПУТЕШЕСТВИИ В.С. СОЛОВЬЕВА В ИНДИЮ¹

В.В. Кравченко

ФГБОУ ВО Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), г. Москва

Исследуется устойчивый интерес В.С. Соловьева к Индии и ее духовной культуре. Доказывается, что русский философ в молодости изучал в Британском музее источники древнеиндийской философии и в течение всей жизни живо интересовался индийскими религиями и духовно-мистическими практиками. В «автоматических записях», снах и в художественном творчестве Вл. Соловьева Индия оказывалась одним из его важнейших философско-духовных устремлений. Автор статьи высказывает следующую гипотезу: поскольку философ не посетил Индию и не ознакомился непосредственно с индийскими религиозно-мистическими практиками, он не смог завершить свою систему новой метафизики. С другой стороны, представляется, что духовный опыт Соловьева раскрыл действие постоянного духовного «магнита», притягивающего культуры Индии и России.

***Ключевые слова:** Вл. Соловьев, София, индийская философия, индийские религии, духовно-мистические практики, мистицизм.*

Гениальный русский философ Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) глубоко интересовался индийской философией и культурой. В своей первой опубликованной статье «Мифологический процесс в древнем язычестве» (1873) Соловьев подробно анализировал «древнейшее известное нам религиозное сознание в язычестве» древнеиндийских вед, без чего, по его мнению, невозможно полное понимание всемирной истории вообще и христианства в особенности. В сознании древних индусов, по мысли русского философа, впервые проявился проблеск мировой, общечеловеческой религиозности – это осознание Абсолюта в его непостижимом существовании, в частности, олицетворенном в образе женского божества – всеобщей Матери [12, с. 20–25].

В фундаментальном труде «Россия и Вселенская церковь» (1889) Соловьев представил основные этапы глобального развития «души человечества» (Софии) в историческом процессе. С его точки зрения, «в Индии душа человечества, проявляясь сначала в учреждениях мудрецов и святых ортодоксального брахманизма, затем в учении ортодоксального мудреца Капилы, основателя философии Санкхья, и окончательно в новой религии Будды Шакьямуни, познала и полюбила Безусловное в особенности под отрицательной его формой,

---

¹ В статье развиваются тезисы, представленные в качестве выступления на международной конференции «India and Russia: Cross-Cultural Synergies» («Индия и Россия: кросс-культурные синергии») в Делийском Университете (22-23 февраля 2018 г.).

как противоположность внебожественному состоянию, природе мира <...> ...и провозгласила, что Безусловное заключено в Небытии, что оно есть несуществование – Нирвана» [17, с. 392–393]. По Соловьеву, Душа мира, покинув индийскую культуру, далее проявлялась в греческой философии, римском праве, древнем иудаизме, наконец, в христианстве. С точки зрения русского философа, «буддизм сказал последнее слово индийского сознания; все существующее и несуществующее одинаково есть лишь иллюзия и сон» [16, с. 78]. Однако, по его убеждению, идеи буддизма «...несомненно вошли в качестве подчиненных элементов в более содержательное... воззрение христианское» [15, с. 399]. В «Оправдании добра» Соловьев подчеркивал: «Всемирно-историческое значение буддизма состоит в том, что здесь впервые личность человеческая стала цениться... как носитель высшего сознания» [14, с. 314].

Понимание всемирного значения индийской духовности, определение ее места в мировом процессе как необходимого, но пройденного этапа становления Софии – Души мира – осталось неизменным на протяжении всего творческого пути философа. Но действительно ли только философские и религиозные системы Индии серьезно интересовали русского философа? На первый взгляд представляется именно так. Сразу после защиты магистерской диссертации, став доцентом Московского университета, в конце 1874 г. Вл. Соловьев ходатайствовал перед историко-филологическим факультетом о командировании его в Англию в 1875 г. «с научной целью для изучения в Британском музее памятников индийской, гностической и средневековой философии» [5, т. III, с. 64] сроком на один год и три месяца.

Накануне поездки, 8 января 1875 г., Соловьев в письме Д.Н. Цертелеву сообщал следующее: «Летом еду в Лондон на год или полтора... Теперь буду читать историческое введение в метафизику, а по возвращении из Лондона, предполагаю, – историю древней философии и метафизику» [13, с. 207].

Одним из результатов английской поездки можно считать написание Соловьевым значительно позже статьи об индийской философии в знаменитом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (по существу, первой научной, хотя и не вполне удачной, публикации в России на эту тему). Соловьев критически оценивал все религиозно-философское наследие индийской мысли как круг оригинальных умозрений различных направлений, лишенный «внутреннего развития мысли и логических переходов между отдельными системами» [10, с. 97]. Он отрицал наличие истории индийской философии как таковой, в смысле преемственности и развития основных идей. И обо всех системах индийской философии замечал: «В формальном отношении все они отличаются отсутствием настоящей философской методы, все находятся на ступени элементарного, не овладевшего собой умозрения» [там же, с. 97–98].

Но если он считал индийскую философию пройденным духовным этапом и не слишком высоко ценил историко-философское наследие Индии, почему он указал памятники индийской философии первым пунктом в научной программе своей лондонской поездки?

Как доказано в моей монографии, Соловьева в действительности интересовала не столько библиотека Британского музея, сколько сам Лондон как «спиритическая мекка». Он искал контакты с известными спиритами и посвятил знакомству с развитым спиритическим движением в Англии много времени и сил. О своем остром интересе к спиритизму он из Москвы писал

Д.Н. Цертелеву еще перед отъездом за границу (13.09.1874): «В Петербурге предполагаю увидеть знаменитого медиума Вильямса, если будет что замечательное, напишу» [6, т. II, с. 224].

В процитированном выше письме к Д.Н. Цертелеву Соловьев писал: «Я все более и более убеждаюсь в важности и даже необходимости спиритических явлений для установления настоящей метафизики, но пока не намерен высказывать этого открыто, потому что делу это пользы не принесет, а мне доставит плохую репутацию; к тому же теперь я еще не имею никаких несомненных доказательств достоверности этих явлений, хотя вероятность в пользу их большая» [13, с. 207]. Соловьев посещал спиритические сеансы в Лондоне, побывал в гостях у натуралиста А.Р. Уоллеса, знаменитого и тем, что именно он, а не Ч. Дарвин первым выдвинул идею естественного отбора, но значительно более – своими медиумическими способностями. Также Соловьев мечтал посетить Ньюкасл и Бристоль, где действовали известные спириты Петти и Монк [2, с. 198–286].

Из результатов нашего исследования следует, что Соловьев наверняка читал современную ему спиритическую и спиритуалистическую литературу, а также источники, связанные с древними мистическими традициями, в частности каббалой. И скорее всего, исследовал древневосточные аскетические и мистические источники, которые в те времена проходили по разделу этики и практической нравственности [2, с. 79–93]. Коротко говоря, Соловьев живо интересовался не философской, а мистической литературой, которая косвенно затрагивала философию и религию Индии. Более того, есть основания предполагать, что Соловьева привлекало не столько наследие седой древности, сколько достояние сохранившихся индийских духовно-практических школ. Косвенным свидетельством этого факта можно считать опубликованное старшим братом философа – Всеволодом Сергеевичем Соловьевым в 1874 г., прямо перед поездкой Вл. Соловьева в Лондон, стихотворение «Искушение Будды», по существу – пересказ фрагмента гл. XXI «Лалитавистары», одной из священных книг буддизма [19]. Вл. Соловьев, безусловно, знал об этой публикации, как знал и довольно обширную к тому времени литературу по буддизму, преимущественно европейских исследователей.

Обратим внимание на важную сторону лондонской жизни Соловьева, которую отмечал и И.И. Янжул, московский доцент, одновременно с Соловьевым стажировавшийся в Лондоне, и даже российские почитательницы философа. Скорее всего, под влиянием буддийской практики Соловьев, и раньше довольно равнодушный к еде, в Лондоне стал фактически вегетарианцем. Одна московская приятельница Соловьева в письме подруге сообщала: «Сейчас получила очень грустные известия о нашем Вл. Соловьеве: в Англии он ...стал употреблять мало мясной пищи и хочет от нее отвыкнуть по принципу» [5, т. III, с. 63]. Добавим от себя – по буддийскому принципу.

В действительности аскетизм был присущ Соловьеву с ранней юности [1, с. 11–22]. «Восьмеричный путь» практикующего буддиста был весьма созвучен жизненным принципам русского философа. При этом русский философ также осознавал, что аскетизм был основой всех религиозно-духовных и мистических практик и Востока, и Запада. Разрабатывая новую этическую концепцию, последовательно изложенную в фундаментальном труде «Оправдание

добра», Вл. Соловьев в основание самой нравственности положил «аскетические начала»: стыд, жалость и благоговение [14, с. 222–281].

И хотя, как было отмечено выше, религию и философию буддизма Соловьев относил к давно пройденному этапу развития человечества (когда в них открылась лишь первоначальная истина Абсолюта в форме отрицания этого мира), он осознавал тесную связь аскетических практик развитых религиозно-философских систем Индии с истоками и традициями мирового мистицизма. И в этом плане духовный опыт индийских мудрецов и аскетов уже в XIX в. был признан непревзойденным.

Итак, читая древние и средневековые рукописи в Британском музее, он грезил об Индии как стране аскетов и духовных подвижников. Потому не индийская философская мысль, а аскетическая практика индийских мистиков привлекала Соловьева в Индии.

Известна внезапная и необъяснимая для многих соловьевская поездка из Лондона в Египет. Почему и зачем он туда отправился? В первую очередь потому, что его туда направила София, пообещав ему мистическую встречу, которую и пережил в Суэцкой пустыне. Но затем философ остался в Египте, между прочим, проводя спиритические сеансы со спешно приехавшим туда другом Д.Н. Цертелевым [1, с. 58–65].

Оказывается, Соловьев искал некие сохранившиеся древние таинственные ордена, в своих поисках примыкал к египетским аскетам и, по его признанию, видел «фаворский свет». (Рассказ Вл. Соловьева об этом вспоминала В.А. Пыпина-Ляцкая [13, с.375].

О том, что кроме встречи с Софией в Суэцкой пустыне Соловьев занимался поисками неких сохранившихся мистических орденов, сегодня известно из воспоминаний о жизни философа в Каире в течение нескольких недель уже после его «мистического свидания» с Софией. По свидетельству доцента М.М. Ковалевского, также стажировавшегося в Лондоне, Соловьев говорил о неких «духах», которые обещали ему доступ в тайное каббалистическое общество [5, т. II-3, с. 190]. Французский писатель Эжен-Мельхиор де Вогиоэ в своих мемуарах вспоминал знакомство с Соловьевым и его рассказ о приключениях в Египте: «Он чистосердечно рассказал нам, что... ходил один в Суэцкую пустыню, к бедуинам; он хотел разыскать там какое-то племя, в котором, как он слышал, хранились кое-какие тайны религиозно-мистического учения – Каббалы и масонские предания, будто бы перешедшие к этому племени по прямой линии от Соломона» [5, т. II-3, с. 260–261].

Внимательное чтение писем Соловьева лондонского периода показывает, что философ обдумывал далекое путешествие не только в колыбель европейской цивилизации (Египет), но и в Индию, на родину мирового мистицизма. Буквально накануне неожиданного для всех отъезда из Лондона в Каир он писал в письме домой: «Отправляюсь в Египет и, может быть, в Индию» [6, т. II, с. 229]. Об этом же своем намерении философ сообщал в письме из Каира к О. Новиковой: «Отправляясь на шесть недель гулять в Фиваидскую пустыню, спешу написать Вам несколько слов, многоуважаемая Ольга Алексеевна... Я живу здесь две недели, видел все, что можно видеть, но еще ничего для себя важного не понял... В феврале или марте отправляюсь в Индию, если будет угодно богам...» [6, т. IV, с. 162].

О влиянии на нашего философа «небесной покровительницы» Софии, призвавшей его «В Египте будь!», все знают из автобиографической поэмы «Три свидания». О прямом софийном призыве в Индию, не менее категоричном, чем призыв в Египет, мы узнаем из рукописей философа. В его ранних черновых бумагах находятся соответствующие «автоматические записи»: «Я думаю, что ты должен непременно ехать в Индию. Я думаю, что ты начнешь там свое дело. Я мудрость Sophie» [20, с. 161]. (Обращаясь к сохранившимся архивам Соловьева, можно процитировать более точно черновой листок с медиумической записью: «: Sophie Я думаю что Ты должен непременно ехать в Индию Я думаю что ты начнешь там свое дело Я Мудрость мой милый /.../Я может быть поеду с тобою Милый мой люби меня так как я Тебя люблю Sophie». (РГАЛИ, ф. 446-1-40, л.26, об.; сохранена пунктуация оригинала; курсив мой. – В.К.)).

Заметим, что София обещала не просто «явиться», а «**поехать**» с ним в Индию! Какое важное дело должен был там начать русский философ-мистик? И один ли? Может быть, София или другие «духи» ему и в Индии обещали встречу с некими мистическими «орденами» или практикующими аскетами, не только видящими «фаворский свет», но и обретшими непосредственную связь с Абсолютом в той форме, которая так и осталась неизвестной Соловьеву? Некий род теоретически возвещаемой им «психургии» или «теургии»?

Но духовно-практическое открытие Индии у русского философа так и не состоялось. Эта страна, с ее тайнами и неузнанными единомышленниками, осталась мечтой Соловьева, которая преследовала его не только в юности, но и в зрелые годы. Так, зимой 1887 г., проводя три недели на святочные праздники в Троице-Сергиевой Лавре, в письме к Н.Н. Страхову, жалуясь на душевное одиночество, Вл. Соловьев вкладывает листок со своими ныне известными стихами:

Ах, далеко за снежным Гималаем
Живет мой друг,
А я один и лишь собачьим лаем
(Вариант: горячим чаем, холодным)
Свой тешу слух
(Вариант: нежу дух).

...

Но лишь засну – к Тибетским плоскогорьям,
Душа, лети!
И всем попам, Кириллам и Несторьям,
Скажи: прости!
Увы! Блаженство кратко в сновиденье!
Исчезло вдруг,
И лишь вопрос о предопределенье
Томит мой дух.

Образ недостижимых Гималаев не случайно возник у философа-поэта. Есть все основания предполагать, что «милым другом», живущим за снежными Гималаями, была и оставалась София, которая в юности призывала философа-поэта в Индию вершить небывалые исторические дела. Также заметим, что Соловьева отнюдь не привлекала монашеская жизнь, его интересовал, так

сказать, свободный аскетизм и аскетико-мистические практики, присущие православному монашеству, как и многим восточным религиям. (В цитируемом нами письме к Н.Н. Страхову после стихов Вл. Соловьев замечает: «...кроме монахов допотопных, мне приходится иметь дело и с живыми, которые весьма за мною ухаживают, желая, по-видимому, купить меня по дешевой цене, но я и за дорогую не продамся». И далее он писал: «Я не только верю во все сверхъестественное, но, собственно говоря, только в это и верю. Клянусь четой и нечетой, с тех пор, как я стал мыслить, тяготеющая над нами вещественность всегда представлялась мне не иначе как некий кошмар сонного человечества, которого давит домовой» [6, т. I, с. 25 и 33–34]).

В Индии (точнее, в Южном Тибете) он «поселил» главную героиню своей необычной пьесы «Белая лилия» (1878–1880). (Так, сцена первая действия третьего начинается ремаркой: «Большой запущенный сад вблизи южного Тибета» [18, с. 244]). Пьеса имеет знаменательный подзаголовок: «Сон в ночь на Покрова» (Соловьев намекает на известную примету, состоящую в том, что сны, приснившиеся в ночь на Покрова, обязательно сбываются). А главный герой пьесы Мортемир исполняет песню, являющуюся вариантом стихов из письма Н. Страхову:

Ах! Далеко в Тибетском плоскогории
Живет мой друг.
А здесь один томлюсь в тоске и горе я...
Темно вокруг.
И лишь порой в тумане сновиденья
Я вижу то,
Что видеть мог без всяких затруднений я
Тому лет сто.
Иль, ослабев, умру с тоски и горя я,
Судьбам в укор,
Иль путь найду в Тибета плоскогорие
Чрез Куку-Нор [18, с. 240].

Совершенно очевидно, что вариант стихов из пьесы был написан раньше, чем вариант из письма к Страхову. Здесь еще есть юношеская надежда все-таки отправиться в Индию (и даже намечен некий маршрут – «через Куку-Нор»)! Это озеро Куку-Нор (кит. Цинхай), одно из шести священных озер Тибета, на своем пути с Тибетского нагорья упоминал великий русский путешественник и натуралист Н.М. Пржевальский, встретивший там весну 1873 г. [7]. Он первым из современных европейцев (после Марко Поло!) проник в Северный Тибет в 1872–1873 гг. Его увлекательнейшие книги [8] мог читать Вл. Соловьев, находясь, как глава философского отдела Энциклопедии Брокгауза и Ефрона, в центре актуальной информации своего времени. Также нельзя не подчеркнуть, что Тибет для Соловьева был неразрывно связан с Индией, а не с Китаем, по линии одной религии – буддизма.

Но через 10 лет, в письме из Троице-Сергиевой Лавры, надежды достичь Тибета уже нет. Образ же «Белой лилии» оставался немеркнущим для философа символом вечной и чистой любви, неизменным атрибутом Софии – «Вечной Женственности», в котором соединялись лучшие стороны любви земной и небесной... Софии, навсегда оставшейся связанной с Индией и Тибетом.

том в представлении влюбленного философа-мистика. И здесь также небезынтересен намек на перевоплощение, идею которого Соловьев обыгрывает уже совсем несерьезно в юмористическом стихотворении «Метемпсихоза» в 1894 г.

Потому не столь удивительно в архивных бумагах Соловьева, относящихся к 1880-м гг., хранящихся в РГАЛИ, было обнаружить табличку согласных букв санскрита в деванагари. Черновой лист философа довольно характерен: на одной его стороне русско-греческий текст, на обороте сверху написано и зачеркнуто: «философия жизни и философия школы», а ниже – прилежно выведены санскритские буквы – 5 строк по 5 символов, расположенные в столбик, и нижняя шестая строка с двумя символами (РГАЛИ, ф. 446-2-18, л.73 об.).

Известно, что к концу жизни Вл. Соловьев начал изучать иврит с Ф. Гецем (статьи которого о каббале продвигал к печати [3; 4, с. 26]). Но было ли у него, мечтающего о путешествии в Индию с ее древними мистическими истоками и тайнами, намерение изучать санскрит? Об учителях санскрита у Соловьева, к сожалению, ничего не известно.

В вышеприведенных стихотворениях Соловьева упоминается о снах, в которых его душа улетала «к Тибетским плоскогорьям». И существует запись многозначительного сна философа, в котором он плыл в манящую его Индию на корабле. Запись этого сна, явно поразительного и духовно ценного для русского философа, обнаружил в его бумагах племянник, известный младосимволист Сергей Соловьев. Приведем наиболее примечательные фрагменты записи сна Вл. Соловьева:

«Где-то возле Петербурга, у самого моря, стою я на высокой террасе. Вдали виднеются корабли с белыми и красными флагами². От одного из этих кораблей плывет по направлению ко мне огромный кит. Подплыв к берегу, он поднимает голову и с разинутой пастью старается вспрыгнуть на террасу...». Далее во сне происходят странные и неприятные для философа события, приводящие его в отчаяние: «...я бросаюсь с террасы и попадаю прямо на спину большого кита, который мгновенно переносит меня к одному из кораблей. Вот я на палубе и заявляю капитану свое намерение ехать в Индию. Это отлично, говорит он, корабль едет прямо в Индию» [20, С. 181].

Мечтая об Индии как стране с сохранившимися мистическими практиками Соловьев боролся с мифами о «таинственной Индии» как родине и источнике религиозно-мистических откровений, прямо противопоставляемых христианству. Он справедливо полагал, что такие влиятельные личности, как Е.П. Блаватская, намеренно развивают и упрочивают подобные мифы о таинственном и духовно питающем Востоке³.

---

² Заметим, что во времена Соловьева (и вплоть до 1947 г.), флаг Британской Индии был на три четверти красным, а в его верхнем левом углу располагался сине-белый британский «Юнион Джек».

³ Родоначальница теософии активно публиковалась как в Европе и Америке, так и в России. Ее статьи, а затем и книги («Из пещер и дебрей Индостана», «Загадочные племена на Голубых горах» и др.) издавал знаменитый публицист и издатель М.Н. Катков. Произведения Е.П. Блаватской широко распространялись, в первую очередь, в среде русской творческой интеллигенции.

Довольно устойчивый, критический, но не однозначно отрицательный интерес Соловьева к деятельности Блаватской объяснялся не только ее необычными рассказами об Индии и теософскими теориями. Скорее всего, он был заинтригован рассказами Блаватской о ее восточных Учителях («махатмах») и получаемых ею забытых знаниях древнейших цивилизаций. Теософское учение Блаватской Соловьев рассматривал как модернизированную форму буддизма – «необуддизм», наступление которого он считал продуманной акцией неких идейно-политических сил, а последователи Блаватской, по его мнению, являлись только орудием этих сил [4, с. 197–203].

И если деятельность и творчество Блаватской Соловьев рассматривал с интересом, поскольку она возрождала древнейшие и продуктивные идеи о человеке и мировом процессе, то не критичное отношение к буддизму в среде творческой интеллигенции Соловьев порицал.

В известной статье «Буддийское настроение в поэзии» (1894), посвященной творчеству графа А.А. Голенищева-Кутузова, Соловьев указывал, что обращение к буддизму и отход от христианства русских поэтов и писателей является прямо отрицательным явлением. Соловьев рассматривал учение буддизма как призыв к смерти, а христианство – как учение об истинной жизни. Одно дело – постижение сохранившихся в Индии мистических практик, которые позволяют человечеству продвигаться дальше по пути к Богочеловечеству, устанавливая все новые и новые формы духовной связи с Абсолютом. Другое же дело – «буддийские» и «необуддийские» настроения, которые обращают вспять духовное развитие человека, полностью отвращающегося от мира [9].

Почему же сам русский философ, признавая изжитость индийских религий, все-таки мечтал об индийских мистических практиках? Представляется, это происходило потому, что Соловьев мечтал создать новую метафизику, собственную «мистическую философию» как развитие начатого им в молодости учения о «психургии», а затем «теургии».

Выдвинем гипотезу: создаваемая Соловьевым в конце жизни «мистическая» /«теоретическая философия» или новая метафизика, так и не завершенная им, была изначально обречена на «недосказанность», потому что Соловьев не побывал в Индии. Намерение поехать туда, как в Египет, осталось только мечтой. Соловьев не получил необходимого практического духовного опыта, и при разработке философии мистики и понятия мистицизма, он остался только на теоретическом этапе. Спиритический опыт, опыт оккультный, как и спонтанный мистический опыт (явления Софии в ее разнообразных «обличьях»), не смогли дать ему возможности перейти на новый уровень постижения мистицизма как целостного, духовно-физического, подлинно теургического явления. Хотя именно Соловьев в философии религии обосновал необходимость теоретического вычленения мистицизма, как специфического явления, развивающегося в собственных рамках и определениях в разнообразных исторических направлениях, вполне отличимых и от философии, и от религии.

В статье «Мистицизм» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, которая явилась по существу первым научным рассмотрением мистицизма в мировой философско-религиозной литературе, Соловьев только слегка коснулся индийской темы, упомянув «древнейший памятник мистической философии – Упанишады» [11, с. 287–288]. Становление и развитие мировой ми-

стической философии Соловьев проследил от индийских упанишад и китайского даосизма – через учения Я. Беме, Э. Сведенборга и Ф. Шеллинга – до собственной «теоретической философии».

Таким образом, русский философ-мистик рассматривал Индию, эту экзотическую страну и ее культуру как источник всемирного аскетизма и мистицизма, имея в виду развитые в глубочайшей древности и сохранные до новейшего времени аскетико-духовные практики. Создавая свое учение о Душе Мира – Софии, он раскрывал ведущую роль индийской духовной культуры на первом, языческом этапе проявления Софии. В юношеской работе «София», имевшей важнейшее значение для всего дальнейшего творчества, Вл. Соловьев показал роль Индии для развития всего человечества. В целом ряде последующих работ он подчеркивал, что индийский мистицизм являлся основой мирового духовного процесса, а Индия была и остается неиссякаемым источником ярких художественных образов и глубоких духовных откровений.

Как мы видели, в работе «Россия и Вселенская Церковь» для Соловьева София, в своем первом духовном восхождении и проявлении через индийский брахманизм и буддизм, еще во многом – отпавшая от Бога «первая тварь» и «Мать внебожественного мира», мира, проявляющегося как «ложный аспект или иллюзорное представление Божественной всеобщности». Не случайно на этом этапе и София проявляется в максимально материальных и природных образах языческих богинь. Она – Душа мира, но не высший Бог и не осознавшая себя Премудрость, воспроизводящая в себе «искаженный образ истины», будучи одновременно и благой и злой, жестокой и милостивой, мстительной и терпеливой. Она – лишь «идеальное дополнение вечно актуальному Отцу божества».

Русский философ, обретя два видения Софии (в Британском музее и в Суэцкой пустыне), оказался на грани земного мира и Иного. В отличие от поэтов и других творческих личностей он не временно (во вдохновении), а постоянно находился во взаимодействии с «запредельным». Это – и величайшая награда, и тяжелейший крест [2, с. 94].

Призывы Софии в Индию в жизни Соловьева остались без ответа. Конечно, в то время, с учетом воспитания, социального и научного окружения философа-мистика, внезапная и непостижимая для большинства родных и знакомых поездка в Египет уже была подвигом. Поездка же философа в Индию и особенно – в Тибет, только открываемый Н.М. Пржевальским, граничила бы с подлинным безумием. Можно понять уважительное отношение Вл. Соловьева к Е.П. Блаватской – женщине, которая несмотря на всеобщее осуждение и множество препятствий все-таки воплотила свою мечту и уехала в Тибет и Индию. Более того, организовала там новое духовное течение (теософию), превратив его в движение мировое.

Заметим, что тесные «общения» с Софией после возвращения Соловьева в Россию постепенно стали трансформироваться. София не отвернулась от него, но стала менять «маски», представляя не только «помощницей» и «водительницей», но и страшной «демоницей», которую христианский философ рассматривал как явления «черта» (свои жуткие видения он сам, судя по всему, не ассоциировал с образом Софии). При этом теоретически Соловьев осознавал, что древние богини всегда проявлялись в двух «ипостасях» – милостивой помощницы и страшной разрушительницы.

Из пантеона индуистских богинь вспоминается в первую очередь Кали, прекрасная и ужасная, неистовая и опасная. Может быть, она приходит первой на ум, потому что великий индийский мистик Рамакришна в XX в. поклонялся именно ей. А если учитывать многие месяцы диктовки «небесной девой» того сочинения, которое Соловьев переработал и подготовил к печати под названием «София», то, конечно, вспоминается Сарасвати, богиня мудрости, учености, музыки и разнообразных искусств. Именно она изображалась с цветком лотоса (правда, в индийской иконографии она, как и Вишну, часто сидит на цветке, а не держит лотос в руке, как в детском видении Соловьева). И конечно, нужно упомянуть Парвати, усиленно занимавшуюся аскетическими практиками, которая была также «горной девой», дочерью правителя Гималаев. (Как тут не вспомнить опять соловьевские строки: «Ах, далеко за снежным Гималаем...»).

Итак, мечта Соловьева въяве прикоснуться к древней культуре Индии и ее мистико-аскетическому наследию осталась нереализованной. Но может быть, мечта об Индии больше стимулировала его новаторское духовное творчество, нежели возможные и очень серьезные жизненные испытания и на пути в Индию, а главное – в процессе освоения ее необъятного духовного наследия. Это ведь в реальности не отдельные и немногочисленные египетские аскеты, а великое множество религиозных, религиозно-мистических и мистико-аскетических сект и направлений, разбросанных по огромному полуострову.

Можно ли предположить, что Соловьеву было предназначено в индивидуальном мистическом опыте заново и кратко пережить духовный путь восхождения Души мира – Софии – в индивидуальных взаимоотношениях с Ней: от ее дуалистических образов языческой богини – до все более осознающей себя Премудрости Божией? И в мистико-философском плане: от индийского «отрицательного определения Безусловного» – к постижению «положительно-го единства» Бога в новой (хотя так и нереализованной!) метафизике?

И не потому ли так крепка была связь с индийской духовностью у Соловьева? И жива индийская мечта, неизжитая и всем человечеством до сих пор? И не было ли обращение Соловьева к индийским истокам новым раскрытием вечного единства/ дуализма наисовершеннейшего и губительно-ужасного одновременно в каждом человеческом сердце, что так близко и традиционной индийской культуре и исконной русской сути (у Ф.М. Достоевского в романе «Братья Карамазовы»: «Тут диавол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»)? Это неутолимое соловьевское стремление к Индии, полубессознательное, но неискоренимое, не есть ли выявление закономерного поддержания постоянных духовных токов двух важнейших этапов восхождения Софии – первичного, индийского, и современного, русского? Понимание существования нынешней духовной культуры между двумя полюсами: мудрости-безумия Востока, с его отрицательной истиной неприродности Безусловного (Абсолюта), – и положительной истиной центральной христианской идеи о неизбежном соединении материального и духовного во всеединстве?

В творчестве Вл. Соловьева своеобразно проявилось действие «магнита от сердца к сердцу» Индии и России, которое затем определяло устремления русской творческой элиты Серебряного века. Так, Н.К. и Е.И. Рерихи, П.Д. Успенский, К. Бальмонт и многие русские философы, художники, писатели и поэты мечтали (и некоторые воплощали свою мечту!) об Индии, находя в ней источник вдохновения, новых идей и творческого поиска, а одновременно –

открытия путей дальнейшего совершенствования русской философии, литературы и художественной культуры.

Список литературы

1. Кравченко В.В. Вестники русского мистицизма. М.: Издатцентр, 1997. 300 с.
2. Кравченко В.В. Владимир Соловьев и София. М.: Аграф, 2006. 384 с.
3. Кравченко В.В. Интерпретация каббалы в творчестве В.С. Соловьева // Соловьевские исследования. Вып.2 (30). Иваново: ИГЭУ, 2011. С.4–26.
4. Кравченко В.В. Мистицизм в русской философской мысли, XIX-начала XX ст. М.: Издатцентр, 1997. 280 с.
5. Лукьянов С.М. О Владимире Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии: в 3 т. М.: Книга, 1990. Т. I. 447 с.; Т. II, кн. 1, 2, 3. 566 с.; Т. III. 382 с.
6. Письма Владимира Сергеевича Соловьева / под ред. Э. Л. Радлова: в 4 т. СПб., 1908. Т. I. 289 с.; СПб., 1909. Т. II. 375 с.; СПб., 1911. Т. III. 349 с.; СПб., 1923. Т. IV. 246 с.
7. Пржевальский Н.М. Третье путешествие в Центральной Азии (Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки). СПб., 1883.
8. Пржевальский Н.М. Четвертое путешествие в Центральной Азии (От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима). СПб.: Тип. В.С. Балашева и Ко, 1888. 625 с.
9. Соловьев В.С. Буддийское настроение в поэзии // Соловьев В.С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 67–104.
10. [Соловьев В.С.] Индийская философия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1894. Т. XIII(25). С.97–98.
11. [Соловьев В.С.] Мистика // Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIХ (37). СПб., 1896. С.287–288.
12. Соловьев В.С. Мифологический процесс в древнем язычестве // Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 2000. Т. 1. С. 17–36.
13. Соловьев В.С. «Неподвижно лишь солнце любви...» Стихотворения. Письма. Проза. Воспоминания современников / сост. А.А. Носов. М.: Московский рабочий, 1990. 445 с.
14. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47–548.
15. Соловьев В.С. Понятие о Боге (в защиту философии Спинозы) // Вопросы философии и психологии. М., 1897. Кн.3(38), май-июнь. С. 383–414.
16. Соловьев В.С. Религиозные основы жизни. М., 1884. 192 с.
17. Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь. М., 1911. 451 с.
18. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вст. ст., сост., и примеч. З.Г. Минц. Ленинград: Советский писатель, 1974. 352 с.

19. Соловьев Вс. С. Искушение Будды. Из гл. XXI «Лалитавистары» // Вестник Европы. 1874. Кн. 12. Декабрь. С. 630–635.
20. Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. М.: Республика, 1997. 431 с.

TO THE QUESTION OF THE CANCELLED TRAVEL OF VLADIMIR SOLOVYOV TO INDIA

V.V. Kravchenko

Moscow Aviation institute (National research university), Moscow

The article examines V.S. Solovyov's stable interest in India and its spiritual culture. It reveals that the Russian philosopher studied in his youth the sources of ancient Indian philosophy at the British Museum and throughout his life was keenly interested in Indian religions, as well as spiritual and mystical practices. In Solovyev's «automatic records», dreams, and artistic heritage, India appeared to be one of the most important sources of his philosophical and spiritual inspiration. The author of the article puts forward a hypothesis: since the philosopher did not visit India and did not become familiar with Indian religious mystical practices, he was unable to complete his system of new metaphysics. On the other hand, it looks like Solovyov's spiritual experience uncovered a permanent spiritual «magnet» attracting the cultures of India and Russia.

Keywords: *Vl. Soloviev, Sofia, Indian philosophy, Indian religions, spiritual and mystical practices, mysticism.*

Об авторе:

КРАВЧЕНКО Виктория Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры лингвистики и переводоведения ФГБОУ ВО Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва. E-mail: vickra@mail.ru

Author information:

KRAVCHENKO Victoria Vladimirovna – PhD, Prof. of the Dept. of Linguistics and theory of translation, Moscow State Aviation Institute (National research university), Moscow. E-mail: vickra@mail.ru